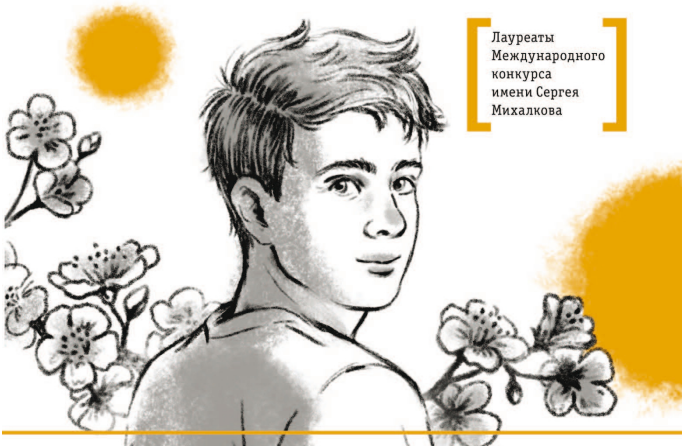

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Александрина Прокофьева

Солнечные зайчики

Александрина Алексеевна Прокофьева

Солнечные зайчики

**Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74227751

*Солнечные зайчики:
ISBN 978-5-08-007514-8*

Аннотация

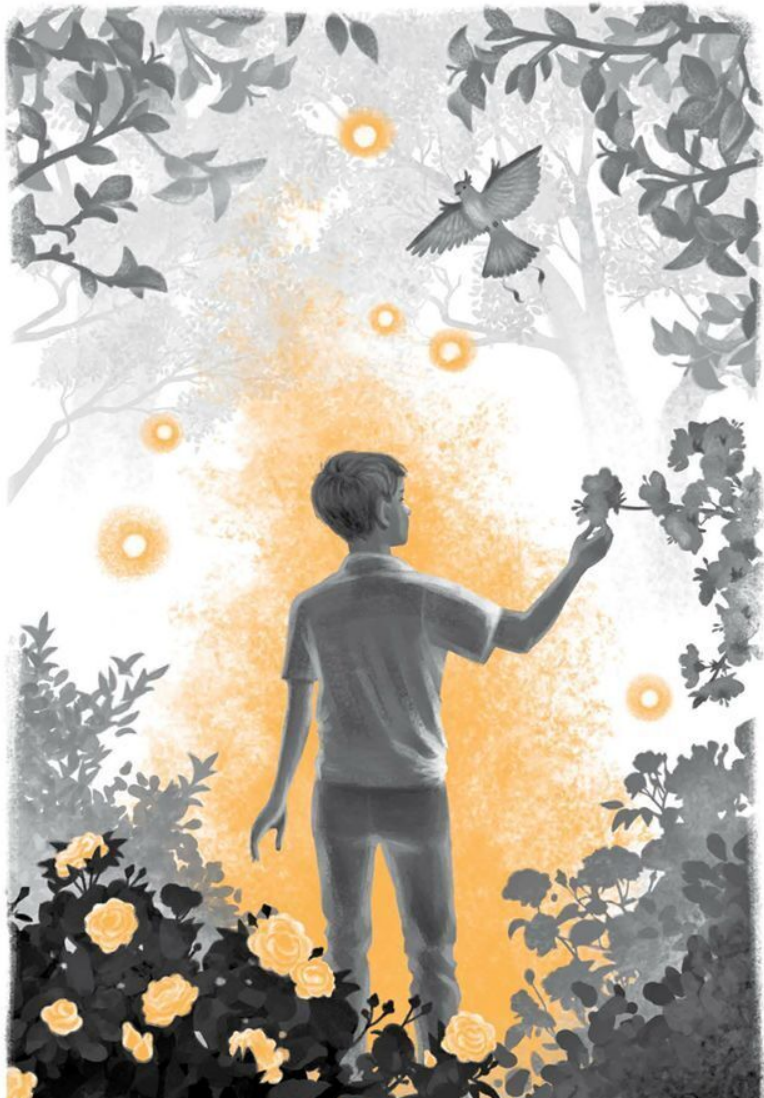
В один злополучный день будто из ниоткуда выскочил мотоциклист, и Тёма попал в больницу. Нет, отделался ушибами, но врачам что-то не понравилось у него внутри. Это что-то не мешало, не проявляло себя, но только пока... Здесь, за стенами детского онкологического отделения, шла своя жизнь. Старожил отделения Сёмочка – утешитель и хранитель традиций, знающий бесконечное количество баек; почти взрослый Антон, мечтающий стать высококлассным программистом и создать семью (и это ему удаётся!); художница Ангелина, которая так и не смогла принять свою болезнь. Разные характеры, разные судьбы, настоящая дружба и первая влюблённость... Чем эти ребята отличаются от обычных детей? Только тем, что точно знают: нельзя терять время.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	7
Солнечные зайчики	10
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Александрина
Алексеевна Прокофьева
Солнечные зайчики**

© Прокофьева А. А., 2026

© Иоилева А. А., иллюстрации, 2026

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2026

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2026 году подведены итоги уже десятого Конкурса.

За эти годы на Конкурс поступило более 4000 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. Лауреатами стали 136 участников, издано более 85 книг с их работа-

ми.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и молодёжное, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей, первая любовь и многие другие), жизне утверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

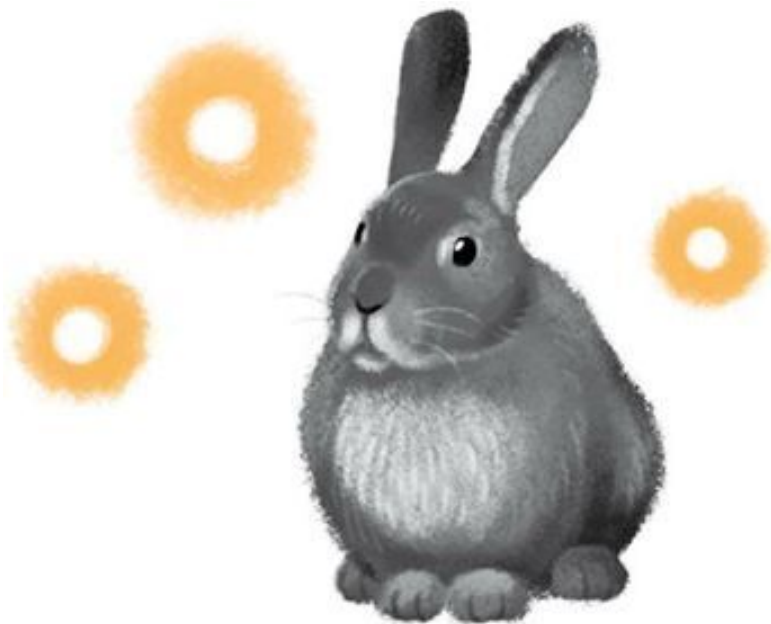
С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, педагоги, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература»

стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года» (2014) в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию. В 2023 году серия книг вошла в пятёрку номинантов новой «Национальной премии в области детской и подростковой литературы» в номинации «Лучший издательский проект».

Солнечные зайчики

«Я – Сайва́рли, милый мой!
Найдёшь меня – пойдёшь домой!»

И я искал, искал исступлённо, искал везде, заглядывал под каждый листик, за каждое дерево в этом таинственном лесу, где всё было незнакомым и птицы пели не так, как дома, и цветы цвели не так, как дома... Я носился как угорелый, там я мог носиться, да, я там мог бегать, прыгать, наклоняться и даже лазить по деревьям.

«Я – Сайварли, милый мой!
Найдёшь меня – пойдёшь домой!»

Слышал я голос, в котором переливались звуки арфы с плеском ручья, хлопанием крыльев взлетающих птиц, музыкой дождевых струн, шуршанием мышки под корнями дерева, жужжанием пчелы и множеством других звуков, сладких, как избавление, тихих, как безысходность, мудрых, как вечность.

«Я – Сайварли, милый мой!
Найдёшь меня – пойдёшь домой!»

Я слышал этот голос и бежал, бежал, бежал, искал, искал, искал... Наверно, потому что очень хотел домой, мечтал выбежать на улицу, вдохнуть полной грудью и закричать: «Я – есть! Я – здесь! Я – дома!»

Сон повторялся каждую ночь уже больше месяца. Конечно, мне снилось и ещё что-то, но я этого не помнил. Все несчастные постояльцы нашего отделения знали об этом сне. Все хотели увидеть Сайварли. Считали его чем-то вроде спасителя, который обязательно поможет, вылечит, заберёт эту тянущую, непрекращающуюся боль, после укола затаивающуюся где-то далеко, но не уходящую никогда. Сайварли – кто такой Сайварли? Вы не знаете? А мы знаем, мы верим, что он есть, он поможет, только его надо найти...

Я был самым обычным мальчишкой двенадцати лет, звёзд с неба не хватал, не побеждал в олимпиадах и не получал золотых медалей за плавание или там футбол. Я просто жил, радовался новому гаджету, новой компьютерной игрушке, модной кепке, походу с друзьями в кино... Я просто жил.

В тот злополучный, а может, судьбоносный день мы ходили в кино. «Черепашки-ниндзя». Боже, как давно это было! Мне кажется, что с той поры прошла целая вечность, что я прожил множество, великое множество жизней, умирал и рождался вновь. Мы бежали домой – мы, тогда ещё были мы – я и три моих друга – Санька, Мишка и Олег. Тогда ещё три друга. Мы представляли себя черепашками-ниндзя. Я был Донателло... Олег был Микеланджело... Кем были Мишка и Санька, я не помню. Да и Мишку с Санькой я тоже не помню, вроде были такие, а вроде и не было, услужливая память стёрла их лица из моей жизни.

Мотоциклист выскочил из ниоткуда, зацепил именно меня и скрылся в никуда. Я не почувствовал ничего – ни боли, ни страха. Говорят, он зацепил меня рулём и ударил, то ли по животу, то ли по груди. Очнулся я в больнице. До сих пор думаю, кто был этот мотоциклист – может, дьявол из преисподней? Может, ангел? А может, просто указующий перст судьбы? Но мою жизнь он перевернул с ног на голову.

Травмы были несерьёзными: врач объяснил маме, что удар пришёлся в солнечное сплетение, и поэтому я потерял сознание. Ну, ещё отшиб пятую точку, а так всё в порядке. Но...

Вот это «но» и перевернуло мою жизнь. Врачам что-то не понравилось у меня внутри, это что-то было вроде давно, но мне не мешало, ещё не проявило себя, но... (опять «но») надо бы показать меня специалистам и, пока не поздно, лечить.

Тогда и закончились мои походы в кино, футбол во дворе и все радости мальчишеской жизни. Начались походы в больницы, всевозможные анализы, КТ, УЗИ, МРТ и остальные «прелести» больного состояния. Страшное слово – рак – для меня представлялось поначалу весёлым красным варёным раком, правда, ел не я его, а он меня, но всё равно было смешно и весело. Через три месяца мытарств по врачам, во время которых из меня выкачали, наверно, тонну крови, просветили вдоль и поперёк, нашли всё. И что было – нашли, и чего не было – отыскиали. Школа шестиклассника Тёмку первого сентября не дождалась. Вместо школы меня положили в больницу.

С одной стороны, было здорово (не надо ходить в школу), с другой – не очень здорово. Вообще, болеть – это очень не здорово! Болеть хорошо, когда тебя дома кормят малиновым вареньем и мёдом, мама читает вслух интересные книжки, тебе покупают вкусняшки и новые игрушки, которые ты, бу-

дучи здоровым, никак не мог выпросить. А вот когда тебя колют, просвечивают, кормят таблетками – это не здорово. И маму пускают раз в день ненадолго, и вкусняшки нельзя, и вообще много чего нельзя. Это слово «нельзя» тебя разъедает изнутри. Хочется именно то, что нельзя. А нельзя всё. Нельзя всё, что ты любишь, хочешь, к чему привык. Нельзя! Ты – больной! Ты – ненормальный! Ты – изгой!

В больнице мы тоже должны были учиться. Уроки были. Приходили какие-то тётеньки в масках и халатах, задавали лёгкие задачки и рассказывали какую-то муру про физику и клетки лука. Тётеньки постоянно были грустными, ставили одни пятёрки. Мне всегда казалось, что они нас не учить приходят, а пожалеть. Мама принесла новые учебники и тетради. В школе учебники не выдали, вдруг я заразный, а в больнице старые не разрешили приносить – вдруг с ними принесётся зараза. Новые тетради... На обложках весёлые черепашки-ниндзя мутузили врагов мечами и дубинками. Мне не нравились новые тетради – мне уже не нравились черепашки-ниндзя. Я не мог прыгать и бегать, как они... Я больше никогда не смогу прыгать и бегать, как они... Мы ждали операцию. Я ждал. Мама ждала...

Мы были готовы. Я и мама. И вдруг, как гром среди ясного неба, – неоперабельный рак. Заплаканная мама обнимала меня и говорила, что всё будет хорошо, будет химиотерапия и я обязательно стану здоровым.

Когда-нибудь стану здоровым...

Может быть, стану здоровым...

* * *

В нашем отделении была своя жизнь. Не такая кипучая, как там, за стенами отделения, но тоже жизнь. Под вечер многие выбирались из палат в фойе, смотрели телевизор, иногда приезжали актёры и показывали нам спектакли, даже циркач был. Иногда приходили какие-то люди, читали нам сказки; малыши слушали, а мы, кто постарше, разговаривали, правда, почти все разговоры сводились к болезням. Наверно, гротескно выглядело, когда маленькие немощные человечки обсуждали свои болячки как заправские, подкованные во всех хворях пенсионеры. А чем мы ещё могли делиться друг с другом? Всё у всех было одинаковое: и завтрак, и обед, и ужин, и театр, и цирк, и телевизор. Только болезни у нас и были разными. Боль была разная. Лечение разное. И исход лечения тоже у всех разный. Вот и обсуждали маленькие больные человечки свои большие болезни. Вроде расскажешь о своей боли – и уже не так больно. Услышишь о чьём-то выздоровлении – и жить захочется, и надежда засверкает новыми гранями – надежда на здоровую жизнь.

Жизнь отделения за много лет обросла легендами и байками, передаваемыми от старожилов к вновь прибывшим и далее, далее, далее. Легенды были с хорошим или плохим концом, страшные и не очень, добрые и злые, но во всех них

главным героем был маленький пациент нашего онкологического отделения. Маленький храбрый пациент... Мы все были маленькими храбрыми пациентами, и легенды были про нас.

* * *

Старожилом отделения был мальчишечка девяти лет — детдомовец Сёмочка, этакий маленький хозяин. Жил он здесь почти три года. Если других на время ремиссии забирали домой, то Сёмочка постоянно был здесь. Он встречал новеньких, рассказывал, что нужно делать, когда становится плохо, объяснял, что можно, а чего нельзя, утешал и подбадривал. Юркий, маленький, лысенький, почти прозрачный старичок девяти лет, не по годам мудрый и очень любящий жизнь. Даже такую, как здесь. Он знал, наверно, все легенды и байки нашего отделения. А как он их рассказывал! Слушатели сидели, затаив дыхание и раскрыв рты, внимая каждому слову и жесту рассказчика, а потом расходились притихшие, просветлённые и приобщённые к очередной тайне.

Я встретил Сёмочку в первый же день, а может, это он мне встретился. Я обживался в палате. Соседей у меня не было. Две койки ещё только ждали маленьких страдальцев. Вдруг где-то в коридоре послышался громкий плач. Я выглянул. Недалеко от моей палаты стояла девочка, лет пяти,

и громко, надрывно ревела. Выглядывали из палат удивлённые мордашки, шикали на девочку: мол, тише, успокойся. И вдруг по коридору из дальнего конца показался мальчик, он двигался на удивление быстро, хотя смешно семенял чуть прихрамывающими ножками. Он досеменил до девочки и взял её за плечи:

– Тсс! Тихо! Здесь нельзя кричать! – Мальчишечка сказал это шёпотом и сделал страшные глаза. Эти огромные глаза занимали на усохшем личике чуть ли не всё место. – Нельзя!

Мнимый ужас передался девочке, она притихла и также шёпотом спросила:

– Почему?

– Потому что нельзя! Когда кто-нибудь кричит, лекарства пугаются и разбегаются в стороны, а потом перемешиваются и вместо пользы от них бывает всякая всячина. Вот дадут тебе такое лекарство, а у тебя хвост вырастет или рога, как у козы. Был здесь мальчик, он часто кричал, а потом всё отделение в зоопарк отправили, потому что они превратились в обезьян, бегемотов и горных козлов, один даже в жирафа превратился.

– Я больше не буду кричать, – прошептала девочка, но слёзы лились из её глаз.

– Не-не! Ты плакать тоже заканчивай! Плакать вообще нельзя. Это у нас все знают. Даже если тебе очень больно – плакать нельзя!

– Почему?

– Потому что внутри тебя сидит рак! Этот рак очень любит слёзы, чем больше он их получает, тем быстрее растёт. Вот была у нас в отделении девочка. Даже тебя постарше чуть. Она очень любила плакать. Ей все говорили, что нельзя. А она ночью плакала, чтоб никто не видел. Врачи знаешь как долго её лечили?

– Н-н-не знаю.

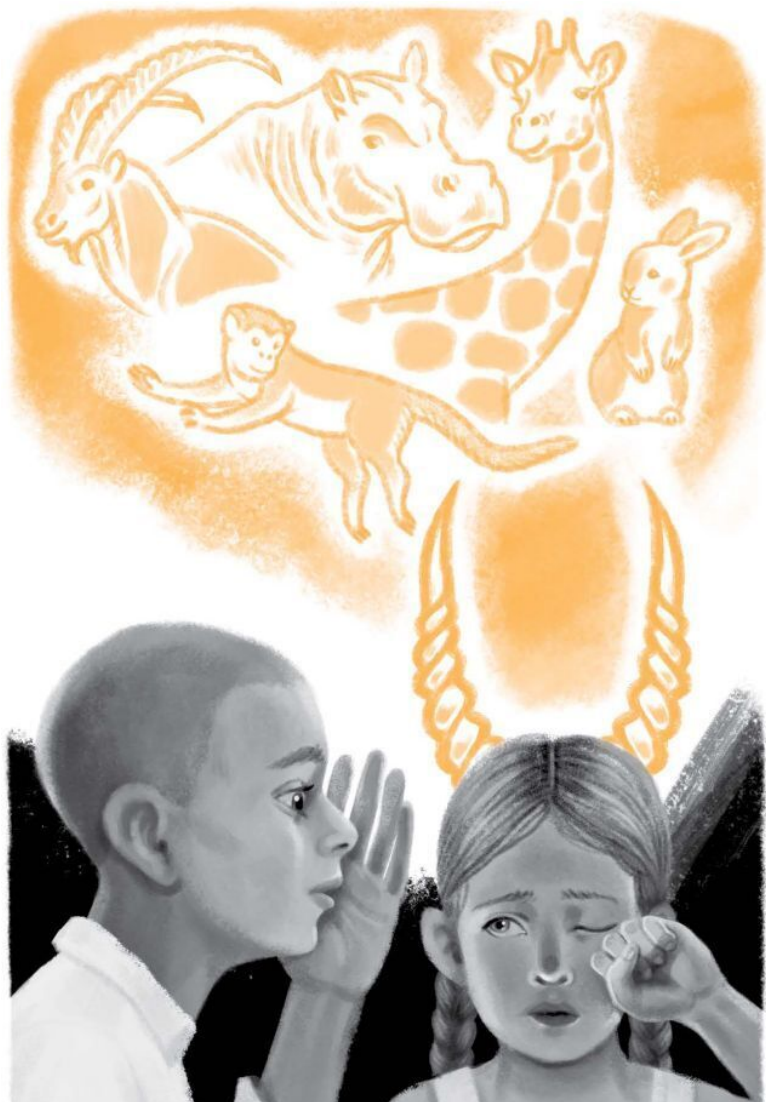
– Очень долго! Её лечат, а ей всё хуже. А потом рак до того разросся, что и девочки не видно стало – один рак и два глаза. И всё. Девочки нет – рак в зоопарке! А вот мальчик был – он никогда не плакал, даже когда ему операцию делали. И потом не плакал, и никогда не плакал. Его раку нечего было есть, и он усох, а мальчик выздоровел и домой пошёл.

– Я не буду больше, – прошептала девочка. – Я к маме хочу.

– Вот выздоровеешь и к маме пойдёшь. А пока мама сама к тебе приходить будет.

Мальчишечка развернул девочку, подтолкнув её к палате, и тут увидел меня.

– Привет! Ты тоже новенький? Давай дружить! Я – Сёмочка!

– Привет! – Мне никогда вот так, с первой встречи, никто не предлагал дружить, но чистые добрые глаза маленького человечка излучали тепло и искренность, и я, не раздумывая, согласился. – Давай. Меня Тёмой зовут.

– Класс! Я тебе сейчас покажу наше отделение.

Был Сёмочка не только хорошим рассказчиком, казалось, он прямо воздействовал на людей, от его прикосновений пряталась куда-то боль, уходило плохое настроение, исчезали тоска и тревога. Маленького сказочника любили все, от пациентов и их родителей до врачей, медсестёр и санитарок. Главврач начинал обход с Сёмочкиной палаты, называл мальчика не иначе как «молодой человек» и расспрашивал о делах отделения. Сёмочка знал всё: кому очень больно, кому очень плохо, кто тоскует и потерял надежду.

Главврач всегда внимательно выслушивал Сёмочку, а потом проводил обход далее, находя нужные слова для каждого. Большой психолог (а любой врач должен быть психологом) внимал маленькому психологу Сёмочке. Что не мог сделать Сёмочка, делал Максим Викторович.

После обхода главврача улучшалось состояние пациентов и настроение родителей. Надежда прямо витала по всему отделению, даже слышался смех, что здесь случалось крайне редко. А смех, как известно, лекарство от всех болезней. Жаль, обходы главврача были не чаще раза в неделю.

Первый смех в отделении я тоже услышал от Сёмочки. Он

разговаривал через окно с вороной. Та сидела на подоконнике, смешно вертела головой и каркала, а Сёмочка что-то рассказывал ей и тихонько смеялся. Как хрустальный перезвон звучал его тоненький, еле слышный смех. Сёмочка умел радоваться всему, даже самому малому: пролетающей мимо бабочке, шумному дождю, доброму слову, чьему-то выздоровлению. Для него все были друзьями, и он для всех был самым лучшим, самым заботливым, самым искренним другом.

– Это Гера, – увидев меня, улыбаясь, ткнул пальцем в стекло Сёмочка, указывая на ворону.

– Это ты её так назвал?

– Нет! Это – Гера! Он прошлый год умер и превратился в ворону. Он всегда говорил, что, когда умрёт, будет вороной. С тех пор прилетает поговорить.

Ворона громко каркала и смотрела на нас.

– Была ещё девочка маленькая, она превратилась в чайку. Никто мне не верит, а чайка прилетает иногда. Если это не Карина, то кто? Откуда здесь чайки?

– Ты думаешь, что все, кто умирает, превращаются в птиц?

– Нет, конечно! Превращаются в то, во что захотят. Верочка стала облаком, а Олег – рыжим котом. Стасик – воробышком, а Лена – ветром, она часто прилетает по ночам и стучится в окно, мы с ней разговариваем.

Ворона похлопала крыльями и улетела, спрятавшись в

красных листьях раскидистого клёна.

– Сёмочка, они все умерли?

– Кто?

– Ну Лена, Стасик...

– Да, – обыденно ответил Сёмочка. – Многие умирают. Каждый день умирают. Особенно много на четвёртом и пятом этажах.

– Страшно.

– Нет. Не страшно. Ты привыкнешь. Смерть для многих из нас самый лучший выход.

* * *

С октября у меня началась химиотерапия. Тогда и я осознал в полной мере, *что* значит, когда тебе плохо, по-настоящему плохо. Когда мир сворачивается в клубочек и находится где-то у тебя внутри тяжёлым сгустком боли, тошноты и безысходности. Когда руки не хотят двигаться, а ноги не хотят ходить. Когда рядом плачет мама, а ты её не видишь, только чувствуешь, что на тебя падают жгучие капли её слёз, слёз беспомощности, неопределённости и беспросветности.

Сёмочка тоже ко мне приходил, держал за руку своей маленькой ссохшейся ладошкой и шептал:

– Ты дыши глубже. Первый раз всегда самый тяжёлый, потом привыкнешь, потом легче. Зато рак убьют, и ты будешь здоров. И кушай. Кушать надо. Бананчик хотя бы скушай.

Тёмочка, ну пожалуйста.

В меня не лезло ничего. Казалось, что еда и вода хотят вылезти через все возможные выходы. Меня не смогли накормить ни мама, ни санитарка. Это удалось только Сёмочке. Он умолял, упрасивал и всё-таки запихнул в меня банан. Моей заплаканной маме он авторитетно заявил:

– Не переживайте. Видите, всё хорошо. Мы скушали банан. Через часик ещё покушаем, а к вечеру будем уже как новенькие. – Сёмочка по-взрослому погладил меня по голове. – Правда, Тёма?

– Правда, – прохрипел я сквозь зубы, потому что банан упорно хотел выскочить обратно, а во рту нестерпимо жгло, как будто я жевал острый перец, который я года в три засунул в рот.

– Я приду попозже. – И Сёмочка засеменял из палаты к другим страждущим.

К вечеру мне немного полегчало, я поел. На ночь мне поставили укол, чтобы спокойно спал. В эту ночь мне первый раз приснился сон...

«Я – Сайварли, милый мой!

Найдёшь меня – пойдёшь домой!»

И я всю ночь во сне бегал по таинственному лесу и искал его, не зная, кто он, как он выглядит, но я знал, что должен его найти, обязательно должен.

После каждого дня мучительной химии я получал свой спасительный укол и проваливался в сон, где искал, искал, искал.

Первым, кому я рассказал свой сон, был Сёмочка. Он серьёзно меня выслушал и авторитетно заявил:

– Надо найти! Это твоё спасение. Найдёшь – выздоровеешь.

Через несколько дней интересующихся Сайварли было уже много. Да что много! Всё отделение, лет от пяти и старше, расспрашивало о Сайварли. Ещё подходили взрослые, у которых детишки были маленькие, и спрашивали, что такое Сайварли – может, новое лекарство от рака, панацея, которую ждёт весь мир? Узнав, что это просто сон, разочарованно уходили.

* * *

Самым старшим пациентом в отделении был Антон, высокий худой парень почти семнадцати лет. Иногда он подсаживался к нам и рассказывал всякую, как мне тогда казалось, ерунду. Он учился в одиннадцатом классе и собирался поступать в вуз, чтобы стать программистом. Он рассказывал нам о компьютерных разработках, которые обязательно сделает, и это будет прорыв в науке. Мы не понимали, что значит прорыв в программировании, но слушали внимательно, нам льстило, что такой взрослый Антон разговаривает с на-

ми как с равными.

Часто он рассказывал про свою любимую, про настоящую любовь. К нему приходила тоненькая, напоминавшая мне стрекозу девушка с огромными глазами и длинной косой. Сёмочка считал её похожей на ангела.

– Ну кому мы, больные, нужны? Только ангелам, – повзрослому рассуждал он. – Первый год ко мне из детдома приходили, а потом и забыли вовсе. Я теперь, говорят, на балансе у онкоцентра. Представляешь? Я – на балансе! Как стул или вон кровать.

Я не знал, что такое баланс и как это «быть на балансе», но поддакивал юному мудрецу, тяжело вздыхая.

Кто-то уходил домой на время ремиссии, иногда появлялись новенькие. Некоторых увозили в хоспис. Мы не понимали, что такое хоспис, но где-то там внутри, может быть в душе, чувствовали, что это плохо.

– Пока тебя в хоспис не забрали – у тебя есть шанс! – вещал Сёмочка. – Пока есть шанс – надо жить, надо хотеть жить.

Первый курс химии наконец закончился. Будет ли следующий, врачи пока не решили, и меня выписали домой.

В день, когда меня выписывали, Сёмочке начали проводить очередной курс химии. Я зашёл к нему утром в палату, он лежал сморщенный и, казалось, окончательно постаревший, белыйбелый, с закрытыми глазами. Я подошёл и взял его за руку. Он распахнул свои огромные, на сморщенном

личике кажущиеся непомерно большими глаза и улыбнулся.

– Домой? – прошептал он.

– Домой, – также почему-то шёпотом ответил я. – Врачи говорят, что дома я быстрее оправлюсь от химии.

– Желаю больше сюда не возвращаться! – прошептал он.

– Поправляйся, – прошептал я.

– Обязательно! Я буду искать Сайварли! Я поправлюсь. А ты нашёл?

– Не-а, пока нет.

Три месяца я провёл дома, учился в школе, играл в компьютерные игрушки. С вахты приехал папа и привёз маленького белого щенка. Я решил назвать его Умкой, может, потому, что он был белый-белый и с огромными умными глазами, как медвежонок из мультика. Жизнь налаживалась, жизнь продолжалась...

* * *

Новый год принёс мне кучу подарков, ёлку, которую мы наряжали с мамой и папой, родственников, приехавших в гости и подаривших мне, как маленькому, большую пластиковую машину.

– Мама, а можно я машину подарю Сёмочке? Я ведь не маленький уже.

– Можно!

Хмурое серое здание не вызывало у меня добрых эмоций,

но я смело вошёл в фойе.

– Тёмочка, тебя вроде выписали, ты зачем к нам?

– К другу, – по-взрослому ответил я. Напялил гостевой халат до пола и бахилы. Подхватил пакет с машиной и пошagal на свой третий этаж.

В фойе стояла ёлка, белая, с полупрозрачными чешуйками, а за ёлкой у окна стоял Сёмочка.

– Сёмочка! Привет! Я к тебе.

Сёмочка обернулся, увидел меня и улыбнулся своей ни с чем не сравнимой, доброй, обезоруживающей улыбкой.

– Это тебе. С Новым годом! – Я протянул ему пакет.

Сёмочка взял машину. Для его тоненьких ручек это была тяжеловатая ноша.

– Давай я помогу в палату унести.

И мы вдвоём дотащили машину до палаты, распаковали её и катали по полу, весело смеясь.

– У меня сейчас стойкая ремиссия, – заявил Сёмочка. – Врачи говорят, если до мая так и будет, меня выпишут. Вроде всё, выздоровел. А ты нашёл Сайварли?

– Нет, – признался я. – Мне и сны про него перестали сниться.

– Я тоже не нашёл... – вздохнул Сёмочка.

– А где Митька, твой сосед? Его выписали?

– Нет. Он умер, – как всегда о смерти, обыденно заявил Сёмочка. – Ещё до Нового года. Отмучился... – по-взрослому пояснил мальчик. – Его хотели в хоспис после Нового го-

да переводить, но не успели.

Смерть не пугала обитателей нашего отделения. Я тоже быстро к ней привык. К концу первого месяца смерть и для меня стала нормой. Почему? Не знаю до сих пор. Может быть, потому, что, видя каждый день мучения других, потом видя их мёртвыми, такими спокойными, с какой-то даже лёгкой улыбкой на полупрозрачных восковых лицах, мы понимали:

сейчас умершему явно лучше, чем было. Боялись ли мы мёртвых? Нет. Частенько они лежали в своих кроватках по два-три часа, умиротворённые и улыбающиеся, мы заглядывали в окна палат и, подражая санитаркам, говорили: «Отмучился, теперь у него ничего не болит».

Жизнь продолжалась...

Больше пугали постояльцы, выглядывающие в коридор через окна закрытых палат. Им нельзя было выходить. Они находились там со своей бедой и болью один на один, только врачи могли к ним зайти. Даже родители стояли снаружи, прикладывая к стеклу ладони и губы. А с другой стороны прикладывали ладони и губы такие невезучие. Их мы называли «эти» или «такие». Мы их боялись, по больнице ходили легенды о вырвавшихся «таких» и перезаражавших всех. Легенды вещались зловещим шёпотом и заканчивались одинаково: «Он всех перезаражал, и все умерли, даже врачи». Это сейчас я знаю, что они не заразные там были, а, наоборот, любая инфекция для них могла стать смертельной.

– У меня сейчас новый сосед, – заявил Сёмочка. – Мы ещё не успели хорошо подружиться. Его забрали на пятый этаж, на операцию. Но скоро его обратно привезут, когда зарастут швы. Ему тоже химию колоть будут.

Я засобирался домой. Внизу ждала мама.

– Спасибо, Тёма. Мне очень хочется, чтобы ты пришёл ко мне ещё. Ты – настоящий друг. Но лучше не приходи. Держись от нашего отделения подальше. И больше не болей! В мае я тоже стану здоровым.

– Я постараюсь. И ты выздоровеешь обязательно.

* * *

Увы, нашим планам не суждено было сбыться. В апреле я опять попал в своё отделение, Сёмочкина ремиссия тоже приказала долго жить. И мы заново начали свою борьбу с болью, тошнотой, слабостью и страшным монстром, который жрал нас живьём, – варёным красным раком. Правда, в моих представлениях это был уже не маленький вкусный рачок, которого мы ели с мамой и папой на Азовском море, а огромный, с меня ростом, рачище, приходящий ко мне во снах и грызущий меня изнутри. Вернулись сны и о Сайварли.

«Я – Сайварли, милый мой!

Найдёшь меня – пойдёшь домой!»

И я вновь бегал по незнакомому лесу в поисках этого странного существа, панацеи от моей хвори.

К июлю опять наступила ремиссия и у меня, и у Сёмочки, и у соседа Сёмочки – моего ровесника – долговязого Виталика. Сёмочку выписали первым. Он уехал в санаторий на море. Три года мальчишка не выходил из стен больницы. Уже за пару дней до выписки он то радостно рассказывал всем о поездке, то замолкал. Вдруг испуганно спрашивал о том, как он поедет в санаторий.

Там ведь он никого не знает – и это его пугало. Потом опять радостно рассказывал всем о своей выписке. Сёмочка даже немного набрал вес, румянец появился на щёчках. Подаренную мною машину он отдал санитарке, а она её прибрала в кладовочку, буркнув:

– Дай Бог, совсем поправился и сюда не вернёшься, парень.

Мы с родителями уехали на море. Загорать мне врачи не разрешили, и мы ходили купаться по вечерам, когда солнце почти падало за горизонт. В этом тоже были свои плюсы: пляжи пустели, спадала жара, а вода становилась тёплой-тёплой. Мои два раза за год выпавшие волосы росли как на дрожжах, и к началу августа на голове торчал густой ёжик ярко-рыжих волос. Мама гладила мой ёжик и шептала:

– Ты у меня уникальный ребёнок! Рыжий-рыжий, и ни одной конопушки.

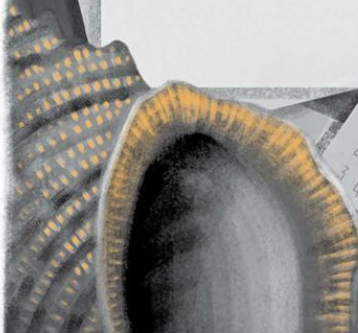
Я поправился на три килограмма и чувствовал себя заново-

во родившимся. Активно готовился к седьмому классу.

В конце августа опять вернулись сны о Сайварли. Мне резко стало плохо. Вот просто плохо, и всё. Нет, не больно, а просто плохо.

Вместо седьмого класса я попал обратно в наше отделение. Виталик, Сёмочка и Антон уже были там. Антон сказал, что он у нас только до января, дальше его переведут во взрослое отделение.

– Да ты, может, уже выпишешься до января, – подбодрил его я.

– Вряд ли, – уныло отвечал Антон. – Сейчас убойно лечить будут. Три-четыре курса химии с небольшими перерывами, какая-то красная химия, самая сильная. Я уже почти взрослый, уже можно. А там видно будет – или мы победили, или нас рак съел.

– А где твоя девушка? – спросил я.

– Она придёт. Она меня любит, а я люблю её. Мы обязательно поженимся, и у нас будут дети. Два карапуза. Одного назовём Сёмочкой, а второго Тёмой.

Мы засмеялись.

– И не смейтесь! Это правда. Я точно знаю.

– Девчонки все ябеды. С ними даже дружить нельзя, – вынес вердикт Сёмочка.

– Ты ещё малой. Вот вырастешь и влюбишься, – засмеялся Антон. – Меня на свадьбу позовёшь. Тогда я тебе напомню, как ты о девчонках отзывался.

* * *

Дни текли своей чередой. У меня опять выпадали волосы, по одному и клочками. Клёны за окном снова покраснели. Иногда прилетала ворона, и Сёмочка с ней разговаривал. Кто-то выписывался, кто-то возвращался обратно, кто-то умирал или отправлялся в хоспис. А мы жили. Я каждую ночь искал Сайварли, Сёмочка рассказывал сказки и застав-

лял других жить.

Антону было совсем худо, он очень тяжело переносил эту самую сильную красную химию. Каждый день приходила девушка-стрекоза, а может, ангел, подолгу сидела с Антоном, а потом плакала в коридоре. Иногда приходила мама Антона – очень красивая, с яркими ногтями. Она смеялась над Антоном, подбадривала его, говорила, что все уже готовятся к свадьбе, а он тут валяется, всех задерживает. Нам с Сёмочкой она не нравилась – ну разве можно смеяться над больными? И мы решили поговорить с ней, когда она пойдёт домой.

Мы выскочили из отделения, когда мама Антона быстрым шагом подходила к большой красивой машине.

– Не успели! – с сожалением произнёс Сёмочка. – Сейчас она уедет.

Но женщина в машину не села. У неё как будто подкосились ноги, она опустилась в своём красивом платье на мокрый после недавнего дождика поребрик и, закрыв лицо руками, горько зарыдала. Она плакала, размазывая по щекам краску, достала платок, попыталась привести лицо в порядок, но слёзы текли и текли. Она раскачивалась и плакала. А мы смотрели на неё из-за приоткрытой двери и так и не смогли подойти.

Из коридора девушка Антона шикнула на нас:

– Быстро в отделение оба! Ещё простудитесь.

И, отодвинув нас от выхода, побежала к маме Антона, помогла ей встать. Они обнялись, и, по-моему, обе плакали.

В конце октября в отделении появилась девочка. Мы с Сёмочкой в это время ждали ворону Геру. Вороны облепили почти уже облетевшие клёны, но на окно ни одна из них не торопилась лететь.

– Ну Гера! – просил Сёмочка. – Ну лети к нам! Я соскучился.

Вдруг сзади послышался звонкий, немного с картавинкой голос:

– Привет!

Мы обернулись. Перед нами стояла девочка. Кудрявые волосы, собранные в два хвоста, смешно топорщились по бокам, перевязанные резиночками с крупными пластмассовыми земляничинами. Она была рыжая-рыжая, яркая-яркая, как солнышко. А личико её было белым-белым и, как у меня, ни одной веснушки. Девочка улыбалась. Улыбались смайлики на её кофточке, улыбались смайлики на её брючках. Мы тоже улыбались с Сёмочкой и молчали.

– А чего молчим? Я вроде поздоровалась. – Девочка смешно скорчила рожицу. – А знаете, у нас был мальчик, он никогда ни с кем не здоровался, а потом у него язык отсох за ненужностью.

Мы засмеялись и хором сказали:

– Привет!

– Меня зовут Ангелина, – представилась она, церемонно наклонив голову, отчего хвосты смешно подпрыгнули и перелетели вперёд.

Я замер. Эти подпрыгнувшие рыжие хвосты, казалось, что-то перевернули внутри меня.

– Я – Сёмочка, а это – Тёма. Давай дружить!

– Я не против, – сказала девочка. – Всё равно моих ровесников в отделении нет, одна малышня.

Я отмер.

– Мы не малышня! Мне уже тринадцать, Сёмочке – десять. Тебе-то тоже не больше.

Ангелина была пониже меня ростом, худенькая, но всё, что должно быть у девушек, у неё заметно выпирало под кофточкой. У нас в классе пятом у многих девчонок уже выпирать начало, так что вряд ли она была намного старше.

– Мне пятнадцать. – Она звонко засмеялась. – Я думаю, что сюда ненадолго. Это какая-то ошибка. У меня ничего не болит.

– У меня тоже не болело, – уныло произнёс я.

– На ранних стадиях ни у кого ничего не болит, – профессорским тоном начал лекцию Сёмочка. – Это хорошо, что рано смогли распознать онкологию, больше шансов на пятилетнюю выживаемость.

– На какую выживаемость? – в один голос спросили мы с Ангелиной. Я тоже ещё не слышал от Сёмочки про пятилетнюю выживаемость.

– Ну... – замылся мальчик. – Это врачи так считают. После лечения пять лет прожил – отлично. Не прожил – плохо лечили. Если рано лечить начали – пять лет точно проживёшь.

– А потом? – Улыбка исчезла с лица девочки.

– А потом всё. – Сёмочка развёл руками.

– Что – всё? Ты хочешь сказать, что через пять лет мы умрём?

– Ну, не знаю, – задумался Сёмочка. – Может, раньше. Всегда надо быть готовым.

– Ты порешь чушь! – вынесла вердикт Ангелина. – Вот уж помирать я точно не собираюсь. Я вообще собираюсь стать писателем. Окончу школу, поступлю в Литературный институт и буду писателем.

– Будешь, будешь, – примирительно сказал Сёмочка. – Многие выздоравливают, и ты обязательно выздоровеешь.

Надежды на ошибочный диагноз Ангелины развеялись через неделю. Неоперабельный рак, уже не первой стадии. Время тянуть было нельзя. Химиотерапию начали сразу сильную, как и Антону, – Ангелине скоро должно было исполниться шестнадцать.

Эту неделю, до химии, мы много общались, даже Сёмочка, мне кажется, изменил своё мнение о девчонках. Сёмочка с Ангелиной соревновались в рассказывании сказок, и он девочке уступал по всем пунктам. Ангелина была знатной сказочницей. Казалось, она придумывала сказки на ходу. И это были не больничные легенды и байки Сёмочки, а полноцен-

ные авторские произведения. Что-то Ангелина записывала в тетрадку, но чаще просто фантазировала у нас на глазах.

В первый же день Ангелина завоевала симпатию всех постояльцев нашего отделения и их родителей. Она перезнакомилась со всеми, от мала до велика. Её жизнерадостности и темпераменту мог бы позавидовать водопад или торнадо, к примеру. На фоне Ангелины как-то сразу упали авторитет и нужность Сёмочки. Но Сёмочка не обижался. И когда Ангелина вдруг посередине сказки на мгновение замолкала, обдумывая дальнейший шаг, Сёмочка продолжал, бывало, уводя сказку по другому пути. Ангелина улыбалась и подхватывала новый сюжет. А иногда мы сочиняли сказки все вместе, всей разношёрстной толпой постояльцев нашего отделения.

Каждый день Ангелину навещали одноклассники, они прыгали под окнами, кричали ей пожелания выздоровления, но внутрь не заходили – видимо, боялись заразиться. Многие думают, что рак заразный, хотя это не так. Мы – не заразные! Мы просто боеем. И нам очень не хватает общения. И нам очень обидно, что от нас отворачиваются бывшие друзья и знакомые. Ведь если я похудел и облысел – это не значит, что я стал кем-то другим. Я всё тот же Тёма Иванов! И я – не заразен!

Приходила мама Ангелины, тётя Аня, – весёлая рыжая хохотушка. Она оставалась допоздна и по вечерам водила с нами хороводы, ну, не со всеми, а в основном с малышняй. На время химиотерапии мама Ангелины вообще поселилась у

неё в палате.

После бурного веселья в отделении наступила мёртвая тишина. Ангелине начали колоть красную химию. Сёмочку отправили в другую больницу подлечить суставы: у него была какая-то болезнь суставов с рождения, поэтому он так смешно семенял, и ноги его были кривоватыми.

После завтрака я хотел навестить Ангелину, но её мама меня в палату не пустила:

– Ей совсем плоховато. – Весёлая молодая женщина, казалось, постарела за несколько часов лет на сто. – Тём, давай потом. Вид у неё не очень. А Геля не любит, чтобы её в неподобающем виде лицезрели. Не обижайся.

– Я могу помочь, – упёрся я. – Мы все через это прошли. Лучше всех, конечно, Сёмочка бы помог, он мастер. Но я тоже могу. Я знаю, что делать! Как дышать, как пить.

– Я тоже знаю, мой мальчик! – вздохнула женщина. – Я сама через это всё проходила. Мне повезло. Нашли рано. А вот Гелю мы просмотрели. Тёма, красная химия – это не то, что вам колют, это хуже, намного хуже. Не стоит тебе заходить.

Я целый день болтался по коридору, пытаюсь заглянуть в окно палаты Ангелины, но шторы изнутри были наглухо задёрнуты.

К вечеру меня навестили мама с папой. А потом я долго смотрел из окна фойе на облетающие клёны. И вдруг на подоконник прилетела ворона. Она смешно наклоняла голову и

каркала.

– Ты Гера? – тихонько, одними губами прошептал я.

Ворона вроде бы кивнула. И я начал рассказывать ей про то, что Сёмочку увезли в другую больницу лечить суставы. Об Ангелине, какая она классная и красивая. Об Антоне, у которого последний цикл химии и его выпишут, и он к нам больше не вернётся, потому что уже станет взрослым и его переведут во взрослое отделение. Ворона меня слушала, иногда наклоняя голову в сторону, иногда как будто кивая. А мне становилось легко и весело, и я прошептал:

– Гера, мы, конечно, с тобой не знакомы. Я – Тёма, давай дружить!

Ворона каркнула, кивнула и взлетела.

– Прилетай! – пробормотал я вслед.

Птица обернулась, ещё раз каркнула и улетела. Я знал, что Гера обязательно прилетит снова.

Сзади меня подёргала за рубашку маленькая девочка:

– Расскажи сказку!

– А я не знаю сказок.

– А ты придумай! После сказок не так больно.

Ещё несколько малышей подошли к нам. В маленьких осунувшихся личиках читалась огромная надежда, что я им расскажу сказку, что у них сегодня тоже будет маленькое развлечение в череде хмурых, полных боли дней. И тогда я придумал свою первую сказку.

– В одном лесу жил маленький зайчик.

– А мама у него была?

– Да, у зайчика были мама и папа, и бабушка с дедушкой тоже были.

Зайчик был маленький и плохо кушал. Поэтому наш зайчик заболел. Внутри него поселился рак. Рак тоже был маленький. Умный врач увидел, что в зайчике сидит рак, и отправил зайчика в больницу. А там зайчика начали лечить, но лечение не помогало.

Однажды зайчику сказали, что за горами, за лесами, за широкими лугами есть сказочный лес, где растут цветы размером с человека, и на них можно даже качаться, как на качелях. А ещё там летают дивные разноцветные птицы. В этом лесу нет хищников, а все звери добрые и умеют рассказывать сказки. А ещё там живёт сказочник Сайварли. Он не только сказочник, он великий врач, лечит все болезни. Если прийти в этот лес и найти Сайварли, то сразу выздоровеешь, и тебя тут же выпишут домой.

– Насовсем выпишут? – раздался тоненький голосок. – Или на немножко? Меня всегда на немножко выписывают, я даже со всеми куклами не успеваю наиграться.

– Насовсем! – твёрдо ответил я. И продолжил, понимая, что даю новую жизнь вере в Сайварли, которая за год чуть

поутихла.

В этот сказочный лес можно попасть только во сне. Поэтому наш зайчик стал хорошо спать. Принимал лекарство, не плакал, не хныкал, а сразу засыпал. И однажды он во сне попал в сказочный лес. Зайчик долго ходил по лесу, но наконец отыскал Сайварли.

Сайварли вылечил зайчика, но зайчику очень понравился сказочный лес, и он не захотел уходить, а захотел всегда жить в этом лесу. Тем более что наш зайчик уже достаточно вырос и мог сам решать, где ему жить. Сайварли разрешил ему остаться в своём лесу, но сказал:

«Зайчик, я тебя вылечил, но в мире ещё очень много больных детей. Если ты хочешь остаться со мной, тогда ты будешь мне помогать. Ночью ты будешь жить в этом лесу, а днём будешь превращаться в солнечного зайчика. Ты будешь тёплым и светлым и станешь дарить надежду на выздоровление каждому, кто тебя увидит».

С тех пор солнечный зайчик каждый день летает по миру. Если взять днём зеркальце и поймать в него лучик солнца, солнечный зайчик и к вам прилетит и обязательно принесёт здоровье.

– А теперь идите в палаты. Сегодня мультиков не будет: ветер уронил антенну на крыше. Завтра починят, будете смотреть мультфильмы.

– А я пойду спать, – заявила девочка, зачинщица этой

сказки. – И мне приснится сказочный лес. Я найду этого Сайва-р-р-ли. И он меня обязательно вылечит.

– И я!

– И я!

Дети расходились, а я в окне высматривал ворону, и такая тоска накатила, захотелось взвыть, первый раз в жизни мне было так тоскливо. С тех пор я не люблю осень, особенно конец октября, всегда накатывают воспоминания и беспробудная тоска.

Зачем я высматривал ворону? Я хотел рассказать ей свою сказку, в которую и сам почти поверил.

Вдруг мне пришла в голову мысль о том, что эту сказку обязательно надо рассказать Сёмочке и Ангелине. Я вернулся в палату, выбрал чистую тетрадь с Донателло и записал сказку, пока её ещё помнил.

Спать не хотелось. Я взял ещё одну тетрадку и начал записывать легенды Сёмочки, те, что помнил. «Зачем?» – спросите вы. Я не знаю. Просто мне захотелось. Мои руки с непривычки быстро устали, а тут ещё пришла медсестра с уколом, после которого оставалось только уснуть.

Но с тех пор я каждый день записывал в тетрадки сказки, которые сочинял сам (а мне пришлось их сочинять целую неделю), сказки Ангелины, сказки, которые мы сочиняли все вместе, легенды и байки Сёмочки. Сразу скажу, что набралось их восемнадцать толстых общих тетрадей, исписанных моим мелким, бисерным почерком. Я и сейчас ино-

гда листаю их, хотя почти все они уже изданы в книгах.

* * *

Через неделю Ангелина первый раз вышла в общее фойе. В отделении был тихий час, и в фойе около окошка стоял только я. Я обернулся, как будто почувствовал её, хотя точно не слышал шагов, меня как будто обволокло мягкое тёплое облачко.

Ангелина шла медленно, весёлые рыжие хвосты были заплетены в две толстые косы, выпадение ещё не коснулось её волос. Про себя я подумал, что, может, и не коснётся. Говорят, у некоторых волосы не выпадают после химии, хотя в нашем отделении все лысенькие. Лицо Ангелины было сероватое, с какими-то полосами зеленовато-коричневого цвета. Она медленно подошла ко мне и опёрлась о подоконник.

– Привет! – сказал я. – Хочешь, я принесу тебе стул?

– Не надо, – шепнула она. – Я постою. Просто во рту всё болит.

– Это после химии бывает. Оно пройдет скоро. Первый цикл тяжелее всего. Потом легче уже, привыкаешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.